

Эльдар Ахадов

Книга странствий

Том второй

Эльдар Ахадов

Книга странствий. Том второй

«Издательские решения»

Ахадов Э.

Книга странствий. Том второй / Э. Ахадов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837653-5

В новой книге Эльдара Ахадова, написанной в лучших традициях Русского географического общества, в художественно-публицистической форме освещаются реальные события многогранной жизни автора на Крайнем Севере и в Сибири, в Азербайджане и Пензенской области, а также его путешествия по Азиатскому и Южноамериканскому континентам.

ISBN 978-5-44-837653-5

© Ахадов Э.

© Издательские решения

Содержание

Книга странствий	6
Сибирские страницы	7
Два кремля	7
В музее Григория Распутина	9
Последний поклон (воспоминания о В. П. Астафьеве)	10
Зван-гора	12
Война колдуниц	15
Волки	19
Семь глухарей	22
Музыкальный медведь	23
Ирисовые степи	24
«Чебурашкины уши»	25
Заяц-драчун	27
Плыло сено по реке...	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Книга странствий Том второй

Эльдар Ахадов

Фотограф Эльдар Алихасович Ахадов

© Эльдар Ахадов, 2017

© Эльдар Алихасович Ахадов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-7653-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга странствий

В новой книге Эльдара Ахадова, написанной в лучших традициях Русского географического общества, в художественно-публицистической форме освещаются реальные события многогранной жизни автора на Крайнем Севере и в Сибири, в Азербайджане и Пензенской области, а также его путешествия по Азиатскому и Южноамериканскому континентам. Герои книги – ненцы в чумах из оленьих шкур, бронзовый якут на въезде в анабарский посёлок, тувинская шаманка с бубном, строители газопроводов и буровики-нефтяники, дельфины Эгейского моря и поющие индейцы племени гуарани, китайские таксисты и турецкий султан, геолог, играющий на саксофоне посреди бескрайней тайги, аргентинская девушка, танцующая танго в квартале Ла Бока, и гордая Сары Гялин из горного азербайджанского селения... множество персонажей населяет книгу воспоминаний писателя и легенд, с которыми ему довелось познакомиться.

Сибирские страницы

Два кремля

У каждого исторического архитектурного ансамбля есть свои уникальные черты, сложившиеся за долгое время его существования. Мне довелось наблюдать вблизи кремлёвские башни двух государственных цитаделей: в Москве и Тобольске. О величии, своеобразии и истории башен московского кремля упоминать не стану, поскольку и без того об этом написано и сказано более чем достаточно. Впрочем, не существует недостатка в соответствующей информации и о тобольском кремле. Поэтому ограничусь тем, что обратило на себя моё внимание при первом же сравнении впечатлений от увиденного. На сегодняшний день в силу исторических обстоятельств ни в том, ни в этом кремле не существует жилых зданий, в которых бы жили люди, а не служили только чиновники и обслуга, как в Москве, или музейные работники, как в Тобольске. Отсутствие жителей придаёт любому месту казённый, музейный или кладбищенский вид. И никакая ухоженность здесь не исправит положения. Мёртвое – оно и есть мёртвое. Не живут там люди, не ссорятся и не мирятся с жёнами-мужьями, не плодятся, не воспитывают детей...

Для тех, кого хлебом не корми, дай только покритиковать любое моё высказывание, особо подчеркну, что не придаю своему наблюдению никакой политической или эмоциональной окраски, ограничившись констатацией факта: люди там не живут. Нахождение людей на этих территориях связано либо исключительно с их служебными обязанностями, либо с туризмом.

Но ведь изначально было не так. Беклемишевская, Свибловская и другие московские кремлёвские башни сохранили фамилии семей, дома которых находились возле них. Водовзводная, Тайницкая башни имели отношение к снабжению жителей кремля водой. Не для праздного музейного любопытства они возводились.

В тобольском кремле я побывал дважды – в разные годы. И оба раза – в самом начале марта. Ещё издали, далеко за чертой города, вид тобольского кремля наводит на мысль о том, что место под строительство крепости выбирали люди, обладавшие не только способностями в деле фортификации, но и несомненным поэтическим художественным чутьём. Белостенный кремль, словно облако, плыл под пронзительно синими мартовскими небесами.

Это ощущение усилилось во время пребывания внутри и возле кремля благодаря одной детали, которая совершенно отличает единственный каменный сибирский кремль от московского: там, где на башнях второго красуются алые звёзды или золочёные флажки, на большинстве тобольских башен возвышаются... парящие в небесах ангелы. Ангелы над кремлём – впечатляющее зрелище!

На мой взгляд наряду с несомненной важнейшей ролью в создании тобольского кремля Семёна Ульяновича Ремезова (картографа, архитектора, строителя, историка, художника и писателя одновременно) и митрополита Павла (бывшего ранее архимандритом Чудова монастыря в московском кремле) до сей поры недооценена деятельность выдающегося русского государственного деятеля – первого губернатора Сибири, Матвея Петровича Гагарина, казнённого в 1721 году по навету влиятельных петербургских завистников и казнокрадов, начиная с Меншикова.

Именно Гагарин начал строительство в Тобольске каменного кремля. Им были заложены Дмитровские ворота кремля. При нём началось строительство каменных стен и башен Малого города, руководимые Ремезовым. При нём в Тобольске впервые появились мостовые на улицах, первый кукольный театр, школа для детей чиновников и купцов. Благодаря ему были постро-

ены морские суда и налажено водное сообщение между Охотском и Камчаткой. Он развивал дипломатические отношения с казахскими и китайскими правителями. С 1707 года при дворце Гагарина жил первый японец в России – преподаватель и переводчик с японского языка Дэмбэй, сын Дэнсэя из японского города Осака. С Дэмбэем в Россию впервые попали японские книги по искусству. В 1716 году Гагарин подарил Петру Первому 96 крупных золотых изделий и 20 мелких золотых вещей общим весом более 22 кг из найденных и исследованных скифских курганов...

В городе Осака при местном отделении Общества «Япония – страны Евразии» создано «Общество Дэмбэя» (Дэмбэ-но кай). Дэмбэй жил в Осаке в квартале Танимати. У нас в стране, кроме памятной доски на западной стене тюремного замка в Тобольске, изготовленной совсем недавно художником А. Баклановым, памяти Матвея Гагарина, как это ни стыдно признать, не посвящено ничего.

В музее Григория Распутина

В Ярковском районе Тюменской области находится село Покровское. В нём расположен дом-музей Григория Ефимовича Распутина. Сегодня довелось побывать там и познакомиться с хозяйкой музея Мариной Юрьевной Смирновой, основавшей в этом селе вместе с супругом Владимиром Смирновым на собственные семейные средства уникальный частный музей. Дом Распутина был сознательно разрушен государством в 1980 году. Супруги на свои деньги, как могли, восстановили его, по крупицам собрали материалы о Распутине и подлинные вещи, принадлежавшие его семье. Смирновыми написаны три книги о жизни Григория Ефимовича, из которых становится ясным, что этого человека чудовищно оболгали и зверски убили враги России, а советская власть этому всячески способствовала.

Названия этих книг, которые следует прочитать всякому русскому человеку, интересующемуся ПОДЛИННОЙ историей России и считающему себя интеллигентным человеком: «Неизвестное о Распутине» (1999 год), «Распутин. Постскриптум» (2003 год), «Неизвестное о Распутине. Постскриптум» (2006 год). Кстати, в третьей из этих книг приводится полный текст книги самого Григория Ефимовича – «Мои мысли и размышления». Книга опубликована в Петрограде в 1915 году, то есть, всего за год до его убийства известными питерскими гомосексуалистами, услужливо отработавшими заказ британской разведки на устранение сибирского крестьянина, волею судьбы оказавшегося в центре исторических российских событий.

Увы. Реальный Григорий Распутин практически до сих пор мало известен широкой публике. Та наглая сознательная чушь, которую на него возвели и возводят поныне, нисколько не соответствует реальному образу искренне богомольного, абсолютно непьющего и никогда в жизни своей ни с кем не блудодействовавшего единственного реального спасителя малолетнего наследника престола.

Из личных впечатлений должен отметить, что Марина Юрьевна не только бескорыстный служитель музейного дела и автор исторических книг, но и замечательный рассказчик. Уверен: её страстное душевное выступление перед экскурсантами с рассказом о жизни и смерти Распутина долго не забудется никому из тех, кто его слышал.

Магнетизм личности Распутина продолжает влиять на судьбы людей. Среди посетителей музея были и всем известный Анатолий Чубайс, и первый заместитель правительства России Игорь Шувалов, и журналист НТВ Леонид Парфёнов, и модельер Вячеслав Зайцев, и чемпион мира по смешанным единоборствам Федор Емельяненко, и актеры Георгий Жжёнов и Александр Михайлов... Сергей Собянин после посещения музея получил повышение – стал мэром Москвы, создав тем самым новую примету. Знаменитые «Бони-М» не только посетили музей, но и пели здесь свои песни. Кстати, именно здесь, напротив дома Распутина, направляясь к последнему месту своего земного существования в Екатеринбург, 14 апреля 1918 года два с половиной часа простояла семья императора Николая, ожидая перепряжки лошадей, словно прощаясь с духом хранителя династии...

Марина Юрьевна любезно подписала мне свою книгу, а я подарил ей свою – книгу стихов «Ожидание чуда» с фотографией солнечного ангела на обложке. На прощание мы сфотографировались.

Последний поклон (воспоминания о В. П. Астафьеве)

*«Эльдару Ахадову с поклоном и на добрую память
Виктор Астафьев, 14.02.2000г.»
(надпись на книге)*

Мысль записать то, что сохранилось в моей памяти о встречах с Виктором Петровичем, появилась у меня практически сразу же после известия о кончине великого русского писателя. Да, всё никак не мог заставить себя собраться, только теперь, спустя несколько месяцев после похорон...

Каким же он запомнился мне? Весёлым. Его жизнерадостный от сердца открытый смех помню очень хорошо. В декабре 1995 года в помещении редакции литературного журнала «День и ночь» от всей души развеселил его мой застольный рассказ о первом знакомстве с Сибирью. Беседовали мы довольно долго, Виктору Петровичу кто-то пытался напомнить о времени, да он всё отмахивался. Впрочем, я и сам, увлекшись своим рассказом, сгоряча так и не заметил сновавших вокруг нас телевизионщиков. Только после, уже дома – увидел фрагмент нашей беседы с Астафьевым по телевизору. Видимо повествование о моих приключениях пришлось ему по душе: отборного коньячку по ходу дела он улыбаясь подливал сам... Ещё от той нашей встречи у меня сохранилась первая подписанная самим писателем книга.

Помню Виктора Петровича взволнованным и растроганным. Это было на церемонии посвящения в лицеисты одаренных ребят из Красноярского литературного лицея. Вокруг писателя всегда вращались разные люди: чиновники от литературы и просто чиновники, литераторы, которым что-нибудь нужно было от него, просто восторженные поклонники и поклонницы. Быть назойливым – не в моем характере. От того, что ни разу я не навязал ему своего присутствия, непосредственное общение с ним, было для меня бесценным, ибо случалось оно только естественным ненамеренным образом. А в тот раз наши места в актовом зале дома Союза Писателей случайно оказались рядом: он поздоровался и присел справа возле меня. Выступления юных лицеистов, церемония их награждения, посвящение в лицеисты новичков и само вручение ученических билетов ребятишкам – дела, которыми в тот день пришлось отчасти заниматься и самому Виктору Петровичу, всерьёз взволновали его. У него было доброе отзывчивое сердце...

После того, как молодежь ушла, на чаепитии с Виктором Петровичем осталось несколько красноярских писателей и педагогов литературного лицея. Были Михаил Успенский, Сергей Задереев, Марина Саввиных, ещё несколько человек. Рассказывал он тогда о том, как разные политически ангажированные местные и московские организации постоянно обращаются к нему с просьбами высказаться по тому или иному событию, поддержать их позиции, и о том, как он устал от всего этого, постоянно отказываясь участвовать в этих сиюминутных играх...

Ещё помню великого писателя огорченным до глубины души после заседания писательской организации, на котором как-то разом вылезли наружу все накопившиеся противоречия, взаимные обиды, обнаружился раскол в писательских рядах...

Виктору Петровичу было уже нелегко ходить. Он вышел, опираясь на палочку, встал перед всем обществом и в качестве аргумента против раскола организации зачитал отрывок статьи Валентина Курбатова. Я помню его резкий и гневный голос в тот вечер.

А ещё я помню Астафьева одиноким. Это было после торжественного праздничного концерта в Большом Концертном Зале города. Концерт был посвящен двухсотлетию со дня рождения другого великого русского писателя и поэта – Александра Сергеевича Пушкина. В зале присутствовали потомки Пушкина со всего мира, было множество людей из местной и приез-

жей культурной элиты общества, руководители города и края. И вот по окончании действия, когда народ стал расходиться, получилось так, что я поотстал от схлынувшей уже из зала толпы, увлекшись беседой с одним из потомков Александра Сергеевича, приехавшего из Иркутской области. В холле было уже наполовину пусто, когда я неожиданно для себя заметил впереди одинокую фигуру опирающегося на трость, медленно и тяжело идущего пожилого человека. Это был Виктор Петрович Астафьев. Помню, как поразила меня эта одинокость, тем более удивительная при том обилии людей бомонда и временщиков разного толка, которые постоянно вились вокруг!.. Никто не предложил ему помощи, никто вроде как... не заметил его! При том ажиотаже вокруг его имени, который ощущался все время, это было невообразимо, но... Он был ОДИНОК. И ни одна живая душа этого не заметила в тот ликующий праздничный день.

Помню нашу с ним короткую беседу в день Победы. Мы сидели рядом на одном бежевом диване в кабинете председателя писательской организации. Он пригубил вина за ту самую Победу, за которую заплатил когда-то собственной кровью, и сидел, тихий, задумавшийся о чем-то, о своём...

Все знали, какую тяжелую борьбу вел он в то время со своими болезнями, как держался на одном только своём несломленном великом духе. Мне захотелось как-то приободрить, поддержать Виктора Петровича. Я спросил у Астафьева насколько интересно ему жить в нынешнее время, когда каждый день приносит что-то новое в жизнь общества, страны и мира в целом. И вдруг услышал в ответ совсем не то, что ожидал... «Нет,» – сказал Виктор Петрович, – «Всё уже было в моей жизни и ничего интересного или нового, кроме давно мной ожидаемого и предвиденного не будет. Одно только меня радует по-прежнему: Это когда солнышко утром восходит и птички поют...» И столько было мудрого спокойствия в этих его словах, что запомнились они мне с той поры на всю жизнь.

Я не знаю: читал ли Виктор Петрович мою книгу, которую я передал его супруге Марии Семёновне, заглянув однажды в их всегда гостеприимный дом в Академгородке. Надеюсь, что успел полистать, Он тогда лежал в больнице после очередного кризиса. Мария Семёновна поблагодарила меня, участливо спросив о трудностях с финансированием издания поэтических произведений. А книга называлась – «ВСЯ ЖИЗНЬ», в память о той нашей беседе с Виктором Петровичем.

Зван-гора

– А я вам говорю – есть там пещера! Ну, как это «нет»? Ну, и что? Ну, ходили вы там двести двадцать раз, там не только вы ходили, там и до вас и без вас много народу перебывало... Только не каждому то место открывается! Не каждому!.. Почему мне открылось?.. Да, потому что... Это... А шут его знает! Буду я ещё тут с вами гадать! Открылось и открылось. В роду у нас люди были простые, работающие... Червоточины в нас нет... Может, поэтому? Не завидовали никому никогда. Работали и работали. Знали, каким потом честный хлеб достаётся.

– Егорыч, а можно кому-нибудь ещё ту пещеру увидеть? Ведь всё вокруг с пацанами излазили, везде тусовались, и по Зван-горе чуть не каждый день ходим, всё о ней слыхали, а видеть там – ничего не видели... Только один ты остался из тех, кто ту пещеру видел и сам в ней побывал... Ну, будь человеком! Своди нас туда хоть разок, покажи! Мы и отстанем. И смеяться не будем... Честно-честно!..

– Это вы-то, оглоеды, смеяться не будете?! Ну, да!.. Нет у меня к вам веры никакой! Вы ж безобразники натуральные... Сколько раз вы надо мной смеялись? Сколько озоровали, бесстыдники?.. Я вас спрашиваю!!

– Да ладно, Егорыч, наезжать-то... Мы ж по-честному хотели. Правда, Вовка? Хотели по-честному?..

– Правда!.. Своди нас туда, Иван Егорыч! Паж-жа-луста!..

– Ну, ты глянь в Вовкины глаза! Смотри, как парень в пещеру хочет! Раньше титьку у мамки так не просил!.. А тебя просит. С уважением. Да, Вовк?..

– Эх, ребята, замучили вы меня!.. Лучше отстаньте!.. Не верю я вам. Не верю!

– Ну, ладно, Егорыч... Ты уж на нас не обижайся. Мы даже думали тебе... может... денег предложить? Ну, это... как за работу, в общем... Как проводнику – за труд как бы...

– Деньги?.. Мне?!.. Ах, вы!.. А, ну, марш отсюда! Чтоб духу вашего здесь не было!.. Вот же поганцы какие!.. Ну, я тебе, Митька, припомню!.. И чтоб мимо ворот моих!.. Чтоб!.. А-а.. Ну, вас, к Аллаху!..

Поганцы такие: всё на деньги переводят. А? И откуда в них это? Паразиты! Особенно Митька Лалетин! Вовка-то, ладно, пацанёнок ещё. А тот!.. Бугай здоровый! И шебутной – в отца! Ох, Генка Лалетин, Геннадий Иванович не знает! Ох, он Митьку исполосовал бы ремешком-то по мягкому месту!.. Ви-идел я, как Митюня с такими же, как сам, охламонами водочку-то за огородами попивал... Поди и покуривал!... Не могёт быть, чтоб их мамка про то не знала! Значит, выгораживают... Генка дознается, ну, и влетит же поганцу! Батя на двух работах вкалывает, а сынок, значит, водочку... И Лалетихе достанется. Жалко её, да, что поделаешь? «Кошка скребёт на свой хребёт».

– Иван Егорыч!..

– Чего тебе, Вовка? Что за братцем-то своим не побёг? Думаешь, не знаю, что он за огородами делает? А кто прошлым летом мне на лысине зубной пастой крест нарисовал? Да ещё ведь кружочком обвели! Думаешь, Егорыч не догадался?.. Самый жаркий день был в году! Ну, вздремнул я чуток возле своих облепих в своём саду... Кому какое дело?! Да, ладно, не мотай головой!.. Знаю, что братец тебя надоумил. У самого – тям бы на то не хватило.

– Не я это...

– Не ври! В глаза смотреть!.. Вот так. Что? Голова опускается? Значит, не совсем ты ещё спорченный?.. Уже хорошо.

– А про пещеру расскажете?..

– Ишь, наострился!.. Ладно, расскажу. Слушай, только не перебивай, не то по шеем получишь... Значит, так. Чтоб тебе жизнь мёдом не казалась, рассказывать я тебе начну

с самого начала, про которое ты думаешь, что ты его знаешь... Ничего подобного! В этой истории никто не могёт знать всего. Никто! Кроме Господа Бога!

А было так: давно ещё, лет, поди сто пятьдесят назад, если не больше, проходил в наших краях тракт купеческий. Как раз промеж Малой да Большой Зван-горами. И поселились там, в пещерах, лихие люди, душегубы. Шайка. Разбойничали. Атаманами у них два брата были, два Ивана: старшой да меньшой. Слыхал про золотых зайцев-то?..

– Не-ет... Из золота, что ли?..

– Ну, да! Людей так работающих называли. Старателей. Уходили они в одиночку в тайгу за лучшей долей, золотишко там мыли. Работа тяжёлая. Впроголодь жили. А потом с добычей к людям возвращались. Только мало кто из них разбогател. Грабили их. Охотились на них, как на зверей. Отнимали у них золото, а самих – убивали. Приходилось им выходить из тайги тайно, петлять, как зайцам. Оттого их и прозвали в ту пору «золотыми зайцами». Вот на них и охотились братья Иваны с подручниками своими. Много они людских душ загубили. И купчишками, конечно, не брезговали, грабили всех подряд, кто попадётся.

Только сколь верёвочке, говорят, не виться, а концу – быть. То ли облаву на них жандармы устроили, то ли сами они друг дружку поубивали-перессорились: но кончилось их время.

Время-то кончилось, а слухи пошли, что спрятано в пещере под Зван-горой кровью омытое, награбленное золото. Нашлись, конечно, охотники. Начали его разыскивать. Говорят, находили даже чего-то в разных местах. Но мало. Основное-то место никому в руки не давалось. Будто исчезла та пещера с лица земли! Начисто.

Стали поговаривать, что дружили братья с духом Зван-горы, с хозяином, значит, и просили его напоследок зорко стеречь своё золото, не выдавать никому. И заклятье наложили. А кто шибко искать будет: либо сгинет, либо умом тронется!.. Да-а...

Мать моя, покойница, царство ей небесное, сказывала мне: в девках, ох, бойкая была! В те времена (уже советская власть началась) открыли у нас рудник золотой. Как раз неподалёку от Зван-горы. Ну, ты там по штольням лазил, знаешь. До войны-то он гремел! Ого!

– На всю Россию?

– На весь Советский Союз, дурак! Историю учить надо! Вроде ведь немного времени прошло, а вы, пацаньё, уж и не знаете ни черта! Куда учительница-то смотрит?! Запоминай, Вовка, пока я жив. Не станет меня, вырастешь, вспомнишь Егорыча. И за свои проказы стыдно станет. Вот, помяни моё слово! Так оно и будет!..

Так вот, мать моя с подружками на Зван-гору тогда по ягоду ходила. Полный короб брусники набирала. Это после смены! Она ведь на шахте стволовой работала, за клетью следила, за подъёмником значит. А тогда на работе пахали по-комсомольски – на совесть. Сейчас и близко того нет!.. И неподалёку от тропы, где вы бегаєте, в войнушки играете, в Чечню эту дурацкую, завидела она покрытый мхом камень. Присела на нём передохнуть. А камень... провалился! То ли промоина, то ли яма под ним оказалась, а сбоку так в той яме – скала обнажилась. А в ней – трещина. Проход как бы...

Ну, матушка тогда – девка смелая была – комсомолка, активистка, ударница, во всякие пережитки прошлого не верила. Созвала она подруг, показала всё, место это платком своим пометила... Повязала его на лиственницу, которая возле ямы росла.

На следующий вечер после работы девчонки парней с рудника с собой позвали. Решили они вместе в трещину войти, обследовать там всё: поняли, что там пещера раскрылась. Взяли они с собой аккумуляторы шахтные, с какими горняки под землю спускаются, свечей набрали ещё. Ну, и пошли с песнями да с шутками, как обычно девки с парнями ходят: на прогулку вроде, на экскурсию...

Сначала им зал открылся. Довольно широкий. И потолки – высо-око так! А потом из зала – как бы коридор пошёл. Всё уже да уже... Кое-где протискиваться приходилось.

Недолго они там были. Никак, говорила, не больше часа. Вдруг лампы чахнуть начали, аккумуляторы сели. В шахте-то они на шесть-восемь часов рассчитаны. Вроде заряженные были. А тут садиться начали. Оказалось, что и свечи у них прогорели почти...

А тут в пещере расширение началось, только они хотели в него идти, как оттуда загудело что-то. Потом крик был – жуткий такой. Мать про него как вспоминала – сразу с лица менялась. Будто мучают кого-то, убивают... И рыдания. В голос... А следом – земля под ногами у них затряслась. И вихорь чёрный из темноты – как налетит!.. Говорила, вихрь этот крутил их, крутил и выталкивать начал. Напугались все вусмерть! Вышвырнуло их вихрем из пещеры-то! Одного за другим: как семечки! Мать говорила, только она Божий свет увидела – упала в траву и сознание потеряла! И все они одновременно сознания лишились... А ведь их там человек пятнадцать было, не меньше! Во-от...

Очухались они, оглянулись: а трещины той нет! Обвалилось всё! Пробовали разгрести. Куда там! Ещё пуще валиться стало. Осыпалась земля: и скалы уж не видно. Вот тогда-то и припомнили историю про братьев-разбойников...

– А ты, Иван Егорович, как? Ты же говоришь, сам там побывал?..

– Ээ... То опосля было. Много лет прошло. Война кончилась. Сталин умер. Я уж годов на семь старше твоего Митьки был. Взрослый мужик. Послали меня, зачем не помню, в райцентр. Председатель коня дал. Колхоз у нас был: «Заря коммунизма» назывался. Ты хоть слышал про коммунизм-то? А? Чего молчишь?..

– Ты лучше про пещеру расскажи...

– Эх, ты! Неуч! Распустил вас Геннадий-то Иваныч!.. Ладно, лопухий, слухай дальше. В райцентре я припозднился. Темнеть начало. Обратно еду, погода испортилась. Ну, я свернул напрямки между Зван-горами. Ветер гудит. Деревья шумят. Конь храпит. Вижу: впереди маячит кто-то: тёмный, большой. Вроде мужик. Думал: догоню, курева спрошу у мужика-то.

Догоняю. Ага. Окликнул даже. «Закурить,» – говорю, – «не найдётся?» Глядь: а это медведь. Как заревёт он! Конь шарахнулся, меня сбросил. Я об дерево шибанулся и со страху сознание потерял. Очнулся на рассвете: холодно стало. Сыро. Роса кругом. Туман.

Очнулся. Гляжу: вроде камень большой напротив меня, а за камнем на взгорке – дыра в земле. Но, не нора, а поболе будет. И с чего, не знаю, полезть туда решил, посмотреть. Дурак же молодой, чего там!

Пролез туда, в дыру эту. А там расширение. Явно. Спичками маленько почиркал: точно, потолка даже не видно. Ну, дальше лезти не стал: сообразил хоть, что освещение у меня хиловатое. Но дури хватило «ау» крикнуть. Тут такое началось!.. Всё вокруг сыпется! Стон жуткий прям из-под земли... Никогда того не забуду!.. Ух! Аж мороз по коже!.. И вихрь поднялся. Да как швырнёт меня! Раз!.. И второй!.. И наружу меня выбросило. Как взрывом... Со страху думал, что и дух из меня вон... Да нет. Очухался. Зашибло только маленько. Домой побёг. Не оглядывался даже. Тут не шибко-то и далеко. Сам знаешь.

Дня три меня колотило со страху-то. Матери рассказать пришлось. Она мне строго-настрого тогда наказала в ту сторону не ходить.

Ну, как не ходить?! Конечно, пошёл. Только не нашёл я там ничего больше. Сколько потом ни искал: не нашёл. Я ж вам с Митькой объясняю-объясняю. А вы всё понять не хотите: пещера та существует. Только открывается она редко. И входить в неё опасно. Нелюдьё оттуда тянет. И не всякий её найдёт. И не всякий в неё войдёт... И не всякий потом выйти сможет.

Война колдуниц

*Мы, уходя от слов и обязательств,
Оглянемся: стоит Судьба с мешиком
И потихоньку давится смеешком
И курит козыю попку обстоятельств...*

- И вот тогда-то у них и началась война!...
- Когда «тогда»? Какая война? Ой, чё ты, дед, буровишь-то?..
- Вот что знаю, о том и говорю! За сколько купил, за столько и продаю. Война, я тебе, Федька, говорю, самая настоящая началась! В самый солнцеворот, в «страшные» вечера между новым годом и крещеньем!
- Да, ну, брехать-то! В солнцеворот – согласен. Только не в «страшные» вечера, а в страстную неделю перед пасхой!
- Вот ты меня, старика, будешь учить!.. Да ты хоть кого спроси, хоть куму мою!..
- Кого? Бабу Аришу, что ли? Ага, помнит она!.. Ты у ней какой сегодня день спроси, она тебе нагородит. У неё куры по три раза в день несутся, а потом замуж хотят.
- Ну, и не буду тогда тебе ничего рассказывать, раз ты умный такой. Ишь, выискался. Вчера вылутился, а сегодня уж всё знает...
- Ладно, дед. Бреши дальше. Интересно же.
- Не буду. Это пёс брешет, а я правду говорю.
- Ладно, ладно... Пусть будет правда.
- Тогда не перебивай. И гармошку свою убери подальше. А то звону от неё много...
- Ладно, убрал.
- А налить? Глянь: у меня уж и стопочка пустая.
- Да, тебе ж, дед, много-то нельзя. Сейчас окосеешь ведь, заговариваться начнёшь и уснёшь ещё...
- Вот это – не твоё дело! Налей-ка. Ну-ка, ну-ка, во-от столько и хватит. Дед меру знает, не то, что вы, молодёжь, пьёте да дуреете. А с нашего самогона даже похмелья не бывает. Сам знашь – как слеза.
- Ага, вонючий только.
- Ну, и что. Не нравится – не пей. Мал ещё...
- Так ты говоришь: Степаниха у Петровны огород перекопала? Ну, и что? Сам себе противоречишь, дед! Зимой-то кто копает?..
- Фёдор! Последний раз говорю: заткнёшься ты или нет?!.. Ты чем слушаешь? Задницей, что ли?! Я ж тебе объяснял про то, что раньше ещё было! До настоящей войны. С чего у них всё началось, по-русски говоря. Ты пойми: жили мы когда-то тихо, мирно. У нас, у чалдонов, волхидок прежде отродясь не бывало. Степаниха-то у нас пришлая, только живёт здесь уже долго. А раньше, по моей ещё молодости, не было её. И Петровна – пришлая. Она ещё поздней приехала с сыном-то. Ты что? Забыл поди? Помнить должен!.. Хотя нет. Тебя ещё и на свете-то не было. Сын-то ейный лет на десять тебя старше будет, так ведь?
- Ага, «на десять»!.. На пятнадцать не хочешь?
- Вот то-то и оно... А у Степанихи Нюрка уж взрослая была: ух, колдовка настоящая! Я её глазёнки как увидел – сразу понял. На меня глядит, а в зрачках-то моего отражения не видать. Чисто омуты. И чудно, и жутковато... А раз ты такой недотёпа, то я повторю для тебя кое-что с самого начала... Ну-ка, налей-ка...
- Да, ты чё, дед! Только что ж пили!...

– Лины, лины, тебе говорю! Да помалкивай... Во-от... Дай-ка картошечки со сковороды... Да хватит тебе! Мне ж закусить только, куда навалил столько-то! Во-от... Слушай, значит. Собралась как-то Петровна в своём огороде лук с репой садить. А чует, что Степаниха-то – глазливая баба. Они ведь, волхидки, всё друг про дружку чуют! Так то ж ещё доказать надо. Садит она, значит, глядь: Степаниха прётся. Ну, там «здрасьте – здрастьте», тудым-сюдым... Ага, а сама-то копает да садит. А Степаниха-то её огород всё нахваливает. Ну, поболтали маленько да Степаниха дальше пошла. А через час как Петровна-то садить закончила, подходит к её забору Степаниха и молчком банку червяков ей в огород сыпет. Высыпала она всё, что в банке было в Петровнину землю, перекувыркнулась втроем да и оборотилась свиньёй. Забежала свинья в огород и давай там всё перекапывать рылом-то. А Петровна углядела и давай свинью палкой охаживать да крапивою стегать! Знает ведь, чем надо!

Наутро Степаниха-то вся в синяках была. Лежит в избе своей, охает, с полатай встать не может. А Петровна-то и зашла. В гости как бы... Ага. «Ох, да что с тобой, соседка?!» «Ой-ёй! В подпол лазила, чуть не убила!»

– Дед! А ты сам-то часом не ворожишь втихаря? Откель у ты этикие познания, а?

– Оттель. Поживи с моё, помыкайся. Ага... Ну, живут они этак дальше. А Нюрка у Степанихи девка-то на выданье была. И присватался к ней тут один парень, не из нашей деревни, конечно. Из нашей-то её бы никто не взял. Побайвались тогда ещё... Петровна-то виду не показывает, а сама задумала нечистое дело. Сваты сговорились. По осени свадьбу играть решили. Как поехал свадебный поезд, тут Петровна себя и выказала. Наговор такой есть: с горошинами. Сказать надо: «Девять горошин, десята невеста – конь ни с места!» И кони-то встали, как вкопанные и не идут! Очумели кони-то заговорённые! Вот страху-то было! Ага!..

Степаниха сразу поняла, чьих это рук дело. А молчит сама-то. Ох, недобрые они все. Долго свои обиды копят. Да всё равно себя проявят. Злость в них особая, ведьмовская. Нюрка опосля всё ж замуж-то вышла, от мамки уехала. Да, говорят, недолго ейный супругник протянул. Отдал Богу душу. И осталась Нюрка одна с малым дитём. А у колдуниц – оно почти всегда так. Я по-другому чтоб – и не слыхал чего-то. Не терпит рядом с ними душа человеческая. Сохнет.

Начала Степаниха грезить. Это по-ихнему, по-волхидски. У нас, на Ангаре, в прежние времена и не знали такого. Ворожить, значит, начала на соседку на свою втихаря-то. Глядь: через какое-то время Малышка, корова Петровнина, блудить зачала. Не идёт домой – и всё тут. Одичала. Убежит в елань и стоит там недоёная. Мычит только. Громко так. Жалостливо. Кто слыхал, говорят, аж плачет будто. А домой – не идёт. Ну, ни в какую! Поймать её Петровна пыталась... Кого! Как хозяйку свою завидит: бежит прочь, только копыта сверкают.

Тут и зима пришла. Сгинула корова у Петровны. Бают, волки её извели. Ну, да, волки! Куда уж... Дай-ка, Федюня, спичку деду. Подымить маленько хочу.

– Так у тебя ж курево кончилось, вчера ещё. Сам жаловался! – А! Ну, да!.. А ты уважь меня, Феденька. Угости. Я-то знаю, что у тебя заначка есть. Угости-ка «Беломорчиком»...

– Ох, и ушлый ты, дед. Ладно, бери. Скажи только, что дальше-то было?

– Дальше-то?.. А дальше самое то и началось только... Попросила Петровна у Степанихи молока. Да ещё на пропавшую Малышку наплакалась той. Будто не понимает, откуда ветер-то дул. Прикинулась, в общем. А Степаниха ей вроде как даже сочувствует. Охает да ахает, язычком своим змеюкиным цокает. Самой-то поди, ох, как приятно! Вот они, волхидки-то, какие! Сроду вида не показывают! Обе! Посидели они, языки свои бабы почесали. А напоследок Петровна-то опять про молочко напомнила. Слёзно так. Дай, мол, соседка молочка твоей Зорюшки испить. А ту, видать, аж, раздуло от гордости. Совсем с ума прыгнула. Знала ведь, что нельзя из дома сторонним своё отдавать! Тем более – колдовке. На силу, поди, свою понадеялась. Ну, молоко-то она подсолила, конечно. Полагается так, чтоб корову не сглазили.

А с широкого плеча взяла да впридачу Петровне ещё и масла коровьего дала. А вот масло-то нетронутое у ей было.

Воротилась Петровна домой. Не знаю, что она там наговаривала, да и знать не хочу. Страшно это знать-то. Грех большой. Только в конце наговора воткнула она нож в принесённое масло. А из масла-то кровь брызнула! В общем, сдохла корова у Степанихи. У ней ещё другая была, кроме Зорьки. Бурёнкой что ли звалась... И у той молока стало чуть. Не больше кружки давать стала. Начала Степаниха рыскать, вынюхивать. Глядь, а в хлеву у ней при входе в потолок нож воткнут! Всё ясно! Как раз «страшные вечера» начались. Пошла Степаниха напрямик к Петровне. Глаза у ей бешеные, кого встретила бы – живьём съела! Избу, прям, не стучась, распахивает: а там Петровна сидит, молочко попивает! И в ведрах у неё молоко, и в банках – сметана. Кругом, короче... Ну, тут уж наорались они. И подрались даже!.. Ой, что было! Изба Петровнина ходуном ходила! Выбежала оттуда Степаниха, на кобеля соседского накинулась. Зашипела вся. Оторвала собаке голову живьём! Глазищи у самой горят! Собака-то на цепи сидела. Тявкнуть не успела, как головы лишилась! Ненавидят волхидки собак, потому что те нечисть чувят и выдать их могут. Ни у Петровны, ни у Степанихи – у самих сроду собак не водилось! Кх-кх-кх... Табак крепок для меня... Кх...

– А ты не кури. Курить – здоровью вредить.

– Эх, малой ты ещё... Учить меня. А что не вредно по-твоему? Жить – оно ведь тоже не всегда полезно бывает. Кх-кх... Крепко Степаниха Петровну уделала. Ох, крепко! Та с постели не вставала. И умереть не могла. Тяжело волхидки помирают. Ой, тяжело!.. Не берёт, видно, Господь нечестивые души. Мучает, а помереть не даёт. За грехи тяжкие... Сын её и врачей приглашал, и лекарей, и знахарей... А на Степаниху мы всем селом жалобу написали тогда, помнишь? Или ты ещё малой был?

– Не-е!.. Это-то я точно помню. И как с района приезжали. Даже это помню! Она ещё клялась да плакала... Вот только не понял я, почему её не забрали, не посадили?

– Ну!.. Тогда ничего ты не понял! Петровна просила её не трогать. Даже подписалась, что прощает.

– Да ты что?! А зачем?

– То-то и оно что «зачем»!.. Не хотела, значит! Она её сама наказала. Да так наказала... Никакие прокуроры так наказать не могут. Ходить-то она сама уж не могла, а сына тайно упростила. Не хотел сын в дела её лезть. Да, видно, мать пожалел. Выкрал он для матери (уж не знаю – как исхитрился!) фотографию у Степанихи. У неё их особо-то и не было... Может, где старую с паспорта?.. Шут его знает... Ну, выкрал, короче. И та наколдовала чего-то на вражье изображение. Заговор сделала. Жуткий. На смерть. Да не простую. А с такими мучениями, с такими пытками!..

Степаниха помирать начала. Крутит её всю, колдобит. Будто пытаются её огнём невидимым! Раны у ней сами собой открываться начали. Гной потёк. Опухла вся... А умереть не может! Пустила её, короче, Петровна, по ветру. Вот так у них, у волхидок, дока на доку пошло всё...

...Думали мы, думали всей деревней тут: мужики, бабы особенно, все, в общем... Даже в чужую деревню гонца засылали к другой колдуннице, чтоб вызнать: как нам двух баб от мучений избавить. Надоумили нас. Сказали, что хомут надо через них протаскивать. Три раза пробовали. Бесполезно всё. А в другой раз разобрали над мученицами доски с потолка. Ну, чтоб душам их легче уходить было. Вот это-то и помогло. Я сам разбирал: и у Петровны, и у Степанихи. На третий день померли обе. Успокоились...

– Да-а... Ну, дела у нас были!... И хорош же ты, дед, страхи расписывать. Тебя на ночь слушать даже того... боязно. Лучше на гармони сыграть. «Голубёнок белай, больше так не делай!..» Ага! Давай-ка, дедка, выпьем с тобой ещё по маленькой?! За твой живописный, как говорится, рассказ! Не знаю, как ты, а я наливаю... Эй, дед! Что затих-то?.. Дед!.. Деда!..

Спишь, что ли? Ну-ка, потрясу его... Да ты холодный!.. Дед!.. Де-ед!.. Ты ж курил только что!.. Папироса к губе приклеилась... прилипла... Деда! Дедуня!.. Господи!... Да, что ж это!.. Да ты же...

Волки

В Сухобузимском районе за деревней Павловщина к парому через Енисей съехали на бортовом «Урале». Верх его был крыт брезентом, и потому, озираясь на мелкий морсящий дождь, никто из кузова не вылез. Там, под брезентом, было как-то ловчее, чем снаружи. Мордатый Кузьмич, покрасневший под «Мадеру», травил свои фирменные байки. Остальные: геолог Сидоров, Витюня- местный кадр, и сам Михалыч, – слушали.

– Места здесь после войны совсем дикими стали, особенно там, за рекой. Народ поразъехался. Сейчас в деревнях-то путних мужиков не осталось, а там, где прииски раньше были: как позакрывалось всё тогда, в хрущёвские времена, так никто и не шаршился. Ну, кроме охотников, конечно. Те – да, те в любую дыру лезут за зверем. Да и они-то не шибко любили туда забираться... Неприятно там как-то человеку. Муторно... Нехорошее говорят про те места...

Кузьмич от чего-то вдруг помрачнел с лица и замолк. И сколько к нему ни приставали всю дорогу (особенно Сидоров старался), он только смолил свои «беломорины», пил «Мадеру» из горла да отмалчивался.

...Приехали. Тишина-а кругом. Ельник. Сырость. Ручей невдалеке журчит. Темнота. Из жилья – старая полусгнившая банька с прохудившейся печкой-«буржуйкой». И всё.

Всем миром эту чёртову печку топили. Всю ночь толком не спали. Только задремлешь: дрова прогорают или гаснут (сырое же всё кругом). Вот и дежурили поневоле. А спать – разве заснёшь, когда в баньку на двух человек набилось столько народу: аж пятеро, если с шофером считать! Печка-дрянь – только сама себя греет, зато дымит – изо всех щелей. Никак дым вверх не хотел идти, всё только понизу... К утру головы у всех от дыма задурели, как у наркоманов.

Наконец рассвет наступил. Промозглый такой, серый, с осенним туманом. Хмель у всех давно прошёл. Тут работать надо, иначе – зачем же пёрлись в такую дыру? А никакого настроения на это дело... И то: добрый хозяин в такую сырь собаку не погонит, а тут сами забрались. «Экспедица называется!..» На рекогносцировку приехали. Старые золотоносные площади на месте осмотреть. А что смотреть-то, когда ночь не спамши?!

Сидорова с утра что-то отрыжка замучала. Не пошла ему «Мадера». Честно: не пошла. Глянул Кузьмич, как человек страдает, понимающим взглядом, вздохнул... И махнул рукой. Ладно, сами разберёмся. Оставайся в баньке, как полегчает – картошку почистишь. Всё равно – наездимся, набегаясь, жрать захотим. А тут – сервис... Что ещё скажешь человеку, если он сегодня больше ни на что не годен по объективным причинам?

А места-то и впрямь безлюдные. Пока по старой дороге добирались, больше бензопилой работали, чем ехали: упавшие деревья да завалы разбирали. Давно-о там ни одна машина не проезжала. Во многих местах и колеи-то нет – так, угадывается только прогал между деревьями. А кое-где посреди дороги молодняк стоит. Кое-кое-как до той баньки – ночью уже добрались. Вот с потом да с матом хмель-то и сошёл...

...Лежит Сидоров возле печки. Греется. Охает: печёнка болит с перепоя. Мужики на «Урале» уехали. А ему и приподняться-то в лом: всё боли-ит! Водички из фляжки отхлебнёт. И опять в потолок охает.

Очухался к обеду. Жрать захотел. А нету! Готовить надо. Ну, он: тык-мык... тит-! Одна картошка! Ну, соли ещё пачка. И всё. Картошка в рюкзаке. Соль в углу. Ведро есть. Котелок есть. Нож кухонный есть. Спички есть. Вода – в ручье. Ручей – за банькой.

Кузьмич нарочно не оставил ни тушёнки, ни хлеба, ни лука даже. Сидоров сообразил почему, хотя оно и козе понятно: легче сожрать готовый (или полуготовый) продукт нежели чистить и варить картофан. А халяву все любят: Лёха Сидоров в этом смысле – суровое правило, и ни в коем разе не исключение из оного. Просто – ни под каким соусом... Вот поэтому

Кузьмич и уволок с собой все продукты, не оставив голодному Сидорову ни одного шанса на халяву.

Конечно, спору нет, главным стратегом, командующим и распорядителем финансов был Михалыч. Но! Всё, что касается хозчасти, продуктов, амуниции и пр. и др. и хр. и ещё хр. – всё это к Кузьмичу. Он и завсклад, и техснаб, и промбаза с во-от такими вот наковальнями вместо ладоней... Вдобавок ко всему сегодня вместе с Витюней он исполнял (рост два метра, морда красная) роль маленького юркого дэрсу-узала в дебрях тайги. В этом тоже есть свои плюсы: по хрусту падающих стволов, хлюпанью болотной воды и смачным выражениям Кузьмича, идущего впереди, сразу становилось ясно – куда не следует направляться всем остальным.

Когда Кузьмичу становилось особенно тяжело, к нему приближался Витюня в своей вислоухой шапчонке, участливо спрашивал что случилось, не нужна ли помощь, и подробно объяснял почему сюда ходить не надо, а надо во-он туда ходить, а сюда ты, Кузьмич, зря пошёл. Спорим, что зря?..

И Кузьмич спорил. Как умел... Поэтому группа исследователей бескрайних просторов тайги только в сумерках поняла, что ей пора в баню. Тем более, что в обед перекусывали у костра чаем с сухарями (продукты-то в кузове «Урала»), а «Урал» давно уж оставили, когда поняли, что тут особо негде кататься. Водила ходил вместе со всеми, потому устал и оголодал не меньше. А что ему – весь день в кабине сидеть, что ли? Это ж не город: ни угонщики, ни милиционеры в кустах не сидят.

А вот то, что снег пошёл крупный такой да хлопьями – с обеда, вот то – проблема. Видимость почти вовсе пропала. Вот так и возвращались. Пока до машины дошли, да пока доехали до баньки – ночь на дворе! Она, банька, кстати стояла с бериевских ещё времён, конечно, если б её изредка охотники не подшаманивали, до наших годов всё бы сгнило. А так – хоть какая – но крыша над головой...

Ну, подъехали. Баньку фарами «Урала» осветили. Мужики орут. Лёху кличут. А его нет. Не выходит никто из баньки. Заглянули мужики внутрь, видят: Сидоров сидит на полати целёхонький, на них в дверь смотрит и не реагирует никак! Вроде – одеревенелый какой-то. Кузьмич сразу захотел ему по рогам врезать. За дурь. Михалыч остановил. «Постой,» – говорит, – «разобраться надо. Накостылять всегда успеем.»

Стали его разглядывать. А у него взгляд остекленевший – в дверной проём: уставился и замер... Картошка наполовину только чищена. Нож на полу валяется. Ну, стали его трясти, растирать да материть. Потом, когда отошел малость, полкружки водки (из нз) налили. Выпил. Соображать начал. И такое порассказал...

Чищу, говорит, картошку. А день-то серый, в баньке вообще – сумерки. Придвинулся поближе ко входу, где лучше видать. Тишина кругом. Неуютно как-то. Знаю же – что один здесь до самого вечера... Вдруг вроде как в глазах потемнело. Голову приподнял: глядь, а мимо меня собачонка в баньку – нырь и – под лавку. И сидит там. Хвост поджала между ног. Вся дрожит. И даже не пикнет. Замерла. Откуда, думаю, в тайге собака взялась? Нет же никого!

Так. Ладно. Чищу дальше... Раз – чувствую глядит на меня кто-то, а кто – не вижу. Холодно аж внутри стало. Трясти меня начало с чего-то... Знобит всего. Я затих. Нож в руке сжимаю... Не знаю что делать. Снег же идёт хлопьями. Да такой что не особо чего разглядишь. Вышел я из баньки. Стою. Озираюсь... Ага! Морда волчья из кустов выглядывает! Я напрягся. Жду... И вторая – позади баньки за ручьём!.. И третья – сбоку так, чуть подальше. Следят за мной. Не приближаются. Замерли. Ждут чего-то. Знака какого, что ли?..

Постоял я, подумал. Зашёл обратно, развернулся на пороге, ну, чтоб за спиной никого. Короче, только занял позицию: глядь, а передо мной, вот здесь, на пятачке перед банькой, стоит огромный волк... И взгляд у него – человеческий прямо... Смотрит на меня не мигая. Не кидается. Просто смотрит. Что тут со мной произошло – не могу описать... Будто душу из меня

вынимает... Почудилось мне, будто целая вечность прошла... Тут собака заскулила. Тоненько так. Никогда не думал, что собаки так скулить могут. А глаза у волчары... зелёные какие-то.

Не знаю, как я упустил... Только не заметил я в тот момент, как исчез волк. Мгновенно исчез. Словно и не было его! Как остальные волки ушли – видел. А этого – упустил... Проходит немного времени. Слышу конский топ. Стоит передо мной всадник на коне. При нём – две лайки. Спрашивает всадник про собачку. Говорит, его это лаечка. Мол, охотник он, наказал её, побил, а она убежала. А собака под лавкой сидит, скулит, выходить не хочет...

Ну, вытащил я кое-как собачонку, отдаю ему... А он схватил её в руки, как вещь какую-то, как захрипит вдруг, – и... перекусил ей горло-то! Клыки у мужика здоровенные такие! Кро-вища хлынула... Оторвал он ей голову. Кровь пьёт, чавкает. Потом остальное в кусты отшвырнул. А там – тени какие-то зашевелились. Пропала собачка... Тут же глянул на меня: вроде как молчать приказал. Я стою, как вкопанный. Совсем ошалел... И стинул он. Будто и не было ничего... А я – как сел на лавку, так и пошевелиться не мог... Вроде – одеревенел.

Кузьмич Сидорова на смех-то поднял, конечно. Всю обратную дорогу по этому поводу балагурил. Однако, по рогам так и не врезал почему-то... Ночевать остались в деревне. Кузьмич с Витюней и шофером у своих знакомых что ли. Короче, от начальства подальше, к водовке поближе. А Михалыч с Сидоровым вдвоём в пустой избе одни остались...

Наутро Кузьмич Михалыча первым увидел. И ахнул. Стоит Михалыч на крыльце избы – весь седой, как лунь. А в избе Сидоров спит – спокойно так, сном младенца. А Михалыч мрачный весь. Говорит, всю душу из него ночью Лёха вынул: стоял у окна и выл по-волчьи. Полнолуние было.

Ну, что ж... Постояли они. Перекурили это дело. Потом «Урал» подошёл. И – поехали в город... А про случай этот Михалыч велел никому не говорить. И не ездили они больше туда. Ни на какие рекогносцировки. Ни за каким золотом...

Семь глухарей

Жили-были семь глухарей. И не просто жили, а по адресу: Красноярский край, Сухобузимский район, речка Малая Кузеева, правая сторона. Сидели они как-то по осени на одной огромной разлапистой ели. Леса в тех местах широкие, места много. И чего им было всем на одной ёлке громоздиться – вроде непонятно даже.

Это на первый взгляд. А вот если по-человечески рассудить, то очень даже понятно. День-то был осенний промозглый октябрьский. С неба хлопьями сыпал мокрый печальный снег. Рядом с елью тоскливо скрипели от ветра высоченные осины. В такое время да в таком месте у любого на душе слякотно может стать. Вот и глухари собрались вместе, чтоб не так одиноко казалось, наверное.

А ехали мимо по заросшей дедовской дороге семеро мужиков на самодельном грузовичке. Места новые золотиносные до той поры изыскивали, а теперь вот домой возвращались. Тоскливо мужикам. Погоды никакой. Одежка на них сырая вся. А борта у грузовичка открытые, даже у водителя кабины над головой нет: машина-то деревенская, самодельная. Едут, носы повесили, мерзнут помаленьку, не жалуются.

И тут на тебе: целых семь глухарей навстречу! Сидят на одной ёлке, не шелохнутся: чучела, да и только! Обрадовался водитель, ружьё из-под сиденья достал, патроны в стволы вставил, но машину не глушит. Знает: пока птицы слышат, как машина тарахтит, они за себя не беспокоятся. А вот стоит лишь заглушить мотор, как они тут же насторожатся. Не грохота дичь боится, а охотника.

Однако, погода мужиков шибко подвела: отсырели патроны, нет от них никакого прока. А глухари-то – вот они, рядом, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, если с водительского сиденья смотреть. Сидит дичь, не шелохнется по-прежнему.

И такая мужиков досада взяла, что слезли двое с бортов, начали возле дороги палку искать, чтобы хоть ею с невозмутимой птицы сбить спесь. Морально, так сказать, удовлетвориться. И тут у них тоже ничего не вышло: снег вокруг рыхлый, глубокий, все сучья им поза-сыпало, а вслепую под снегом много ли нашаришь? Стали тогда взрослые мужики детские снежки лепить и в птицу ими кидаться. Не сразу, правда, но попали в одного, самого нижнего.

Очнулся глухарь, взлетел с места, сделал над скрипящими осинами широченный круг и... обратно на ель взгромоздился, только на одну ветку выше. Покричали мужики на глухарей, руками поразмахивали и дальше поехали, не солоно хлебавши.

Долго им потом те сухобузимские глухари вспоминались: семеро красавцев на одной разлапистой ели. Вот диво-то дивное!

Музыкальный медведь

Как-то раз собрался я в Мотыгинский район на речку Бурему за ягодой-брусникой. Дело было в конце августа. Билет на самолет до Мотыгино из краевого центра стоил 11 рублей. Отчего бы за такие деньжищи да и не поехать в тайгу за ягодой? Ну, и поехал.

Добрался до речки Буремы, побывал в поселке у старателей, поздоровался со всеми, чаю попил и айда в лес. Возле поселка в лесу делать нечего. Всё поистоптано, поисхожено. Что было – того уже и след простыл. Что делать?

И решил я идти вдоль лесной дороги да по обочинам смотреть: когда следы местных ягодников закончатся. А чтобы мне и ягоду из виду не потерять, решил я выбрать на обочине какие-нибудь одиночные следы и идти за ними.. На мягком мху следы нечетко видны. Вроде есть – и ладно.

Заторопился я, чтобы путь ягодника моего из виду не потерять. По сторонам на мох-траву смотрю, брусничку взглядом подмечаю. А той и вправду всё больше и больше становится! Вот повезло-то как! Было у меня с собой тогда ведро, больше ничего не было. Начал я помаленьку в него ягоду насыпать. А той всюду – видимо-невидимо! В такой азарт вошёл: ничего вокруг кроме брусники не вижу!

Вдруг почувствовал я на себе чей-то долгий уже взгляд. Оборачиваюсь... Медведь. Огромный. Бурый. Стоит на четырех лапах и на меня смотрит, как я ягоду собираю. Похолодел я весь от страха. Замер на месте. Что делать-то? Встать и побежать? А если погонится? Это в сказках медведи неповоротливые да медлительные, а в жизни-то как бы не так. И придумал я, на коленках сидючи, перевернуть ведро с ягодой и барабанить по нему. Ну, и запел вдобавок что-то эстрадное. Рассчитывал, что медведь сразу же уйдет.

А медведь моими песнями заинтересовался и давай слушать, как я от страха распеваю во всю глотку. Внимательно так слушает. Никуда не уходит.

Окончился мой репертуар песней «Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно» Допел я евушенковский текст как мог и совсем голос потерял. Медведь ждал-ждал. Потом шумно выдохнул, обошел меня полукругом и величественно удалился в кусты.

А я ещё с полчаса на коленках стоял, в себя прийти не мог. После уже попятился на тех же коленках, попятился, вскочил да как бросился наутек! Оба сапога с меня по дороге слетели. Вот как бежал до самого поселка. Хоть и не гнался за мной никто. Зверь – он всё-таки зверь и есть, это ведь вам не в зоопарке пальчиком на клетку медвежью показывать.

Слава Богу, время было сытное, летнее, да и медведь – особый попался, музыкальный можно сказать.

Ирисовые степи

Хакасия и Красноярский край – не просто соседи. Столетиями многие тысячи людей, селившихся в этих местах, собственно и не отделяли ни судеб своих, ни истории своей друг от друга. И до сей поры оно как-то так сложилось: только наступит жаркое лето, как целыми табунами спешат автомобили с красноярскими номерами к хакасским озерам Ши́ра и Бе́лѐ или мимо них к южным красноярским Ермаковскому да Шушенскому районам на отдых. Да и по служебным надобностям не мы ли то и дело устремляемся на юг – то в хакасский Абакан, то в близлежащий к нему красноярский Минусинск?

Ну, что я о других? Со мной-то ведь самое было. То на отдых поедешь, то по работе надо. И вот от одной из служебных таких поездок остались у меня на всю жизнь волшебные воспоминания. Захочу о чем-то хорошем подумать, закрою глаза, зажмурюсь и снова вижу...

Ехал я поездом – простым, не скорым. Когда поезд нескорый, многое можно в дороге увидеть такого, чего на скором поезде – пролетишь и не заметишь никогда. Был самый конец мая. Поезд после Ачинска свернул к югу. Он и до Ачинска не шибко спешил, ну, а после... Про такое говорят, вспоминая некогда популярный мультфильм – «поезд из Ромашково». Это когда: где собака залаяла – там и остановка. И вот в в вечерних сумерках уже среди голых хакасских холмов выплыла навстречу несуетному моему поезду железнодорожная станция со сказочным названием «Сон».

Помню: на станции торговали пирожками и молоком местные бабушки. Поскольку станция называлась так странно, то и всё местное казалось мне таким же: сонные бабушки, сонные собаки, да и поезд, минующий хакасские степи сквозь, так сказать, Сон. Но самыми сонными были пирожки. Только во сне могли привидеться такие пышные пирожки столь чудовищных размеров! По виду все они были обычными жареными пирожками с картошкой и капустой. Но по размерам – скорее больше гармонировали бы с мамонтами, а не людьми. Чуть ли не до полуметра в длину каждый!

Я не знаю: может быть, у них просто тесто было такое сонное, что продолжало неуклонно раздуваться и разрастаться даже в кипящем масле? Никогда в жизни – ни до, ни после я не видел больше ничего сходного по размерам с теми пирожками!

Не доев и до половины один-единственный пирожок, и запив его несколькими глотками сонного молока, я, разумеется, тут же уснул.

И вот, проснувшись ранним-ранним утром в абсолютно спящем поезде где-то посреди чуть всхолмлённой бескрайней хакасской степи, я, естественно, потянулся к окну. Раз у меня «поезд из Ромашково», то как бы пора и рассвет встречать! Отодвинул занавеску, взглянул на степь и мысленно, чтоб не разбудить соседей по вагону, – ахнул...

Про то, что где-то в южных степях каждой весной сплошным ковром зацветают алые маки – слышал. Даже видел в каком-то фильме. Про то, что в других степях повсюду цветут дикие тюльпаны, тоже знал. Но тут!...

Степь не алела маками и не пылала от желто-красных тюльпанов. Степь была аметистово-фиолетовой. Как космос. Как небо в горах! Она цвела ирисами. Цветами, которые я до той поры считал прихотливой и исключительно садовой культурой.

Ирисам не было ни конца, ни края! Свежий утренний ветер шевелил нежные цветы. И оттого вся степь казалась живой, дышащей, чувствующей нечто такое, что даже и вовсе нам, людям, недоступно. Так хорошо, так привольно было на душе от всего этого... И, повторюсь, вправду с той поры: как захочу себе настроение поднять, так зажмурюсь крепко-крепко, притихну и смотрю на волшебные ирисовые степи. Долго-долго смотрю.

«Чебурашкины уши»

Это было, возле устья ручья Рогатого невядалеке от покpытого густым лесом горного хребта Борус на юге Ермаковского района. Вpемя стояло летнее, июньское. Разбили геологи на ночь палаточный лагерь посреди горной тайги.

Поздний вечер. Только что прошла гроза. А гроза в горах – явление особое. Ливень такой, будто вода с неба рушится живой прозрачной стеной. Молнии такие, что глаза на мгновение слепнут. Гром такой, что земля под ногами вздрагивает, а слух отключается, как при контузии. В общем, после всего пережитого сразу-то и не уснешь.

И только отряд полевой утомился в полусырых спальниках, только перестал обращать внимание на неистребимый комариный звон, как в том углу палатки, где хранились харчи, послышалось некое деловое шевеление и сопение. Палатка была вместительная, четверо – двое геологов и двое полевых рабочих – умещались в ней свободно. И продукты в мешках, местами подмоченных ливнем, сушились здесь же.

Неизвестные существа явно намеревались заняться исследованием, бережно уложенной провизии. При свете луны сквозь палаточное полотно явственно виднелась небольшая, но и не совсем уж маленькая, движущаяся тень. Мужики встрепенулись. Кто-то включил фонарик. Точно! На мешке с крупами прямо возле костлявых ступней немало повидавшего в кочевой жизни геолога-полевика, ошалело выбравшегося из своего спальника, сидело никому неизвестное животное.

Оно деловито перебирало рис, совершенно не обращая внимания на человеческий фактор. Так пересчитывают свою прибыль, так являются с прокурорской проверкой, так описывают имущество банкрота, но так никогда не воруют! То, что «оприходовал» зверёк, он чужим явно не считал, всем своим видом показывая, что людям тут делать нечего и претензии, как говорится, не принимаются.

Зверька осветили фонариком поподробнее и... пришли в замешательство. Никто не знал, что за животное копошится среди съестных припасов. По размеру оно было крупнее любой мыши, любого бурундука, любой белки и даже любой крысы, однако, и до медвежонка (по размерам) ему, всё-таки было далеко.

Не хомяк. Не суслик. Но явно – грызун. «Лицом» более всего напоминающий далекого от всего таёжного экзотического австралийского коалу. Уши – смешные, «чебурашкинские». Но ведь коал-то в тайге не водится! Тогда что же это?

Кто-то запустил в него сапогом, не сдержавшись при мысли о явном опустошении отборных съестных припасов всего полевого геологического отряда! Зверёк спокойно увернулся от сапога и на мгновение задержал особый взгляд на нападавшем. Так порой из-под очков взглядывает на провинившегося обормота школьный учитель. А далее – «складской учет» продолжил свою работу.

Наутро выяснилось, что, во-первых, несколько пачек риса и гречки совершенно пусты, а во-вторых, зверек действовал не один. Их тут было целое семейство! И дневного света они, оказывается, тоже не боятся. Сколько геологи ни пытались отвадить эти существа от своих палаток – увы, все методы убеждения были напрасны. Оказывается, их нора находилась прямо под одной из палаток, и, естественно, люди в их понимании являлись здесь всего лишь гостями, причем незваными. А в гости в приличные дома принято ходить с гостинцами.

Весь полевой сезон на ручье Рогатом можно было наблюдать такую привычную картину: сидит геолог на пенечке, записывает за сколоченным из досок столом свои наблюдения, делает абрисы всякие, а тут же, у его ног, деловито копошится непонятное существо из отряда грызунов и редкостных нахалов, перетаскивая из людской палатки очередной «гостинец».

Ну, а поскольку кровожадных охотников среди полевиков не оказалось, то и среди мохнатых «экспроприаторов» потерь не было. Увы, но и фотоаппарата в тот полевой сезон не было с собой ни у кого из присутствовавших. Так и остались лишь в памяти человеческой эти чуть удивленные круглые глазки-зернышки, упитанные деловитые бока (со складками почти как у шарпеев) и странные крупные и мохнатые «чебурашкины» уши. Так, условно, «чебурашкиными ушами» и называют их до сих пор очевидцы этой истории, когда встречаются случайно где-нибудь в городе и вспоминают о том времени.

А кто это был – да, кто ж его знает? Мы ведь на той земле таёжной – в основном гости незванные, а хозяева-то – они. Вот им и виднее: кто есть кто.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После опубликования рассказа «Чебурашкины уши» в Интернете мне пришел отклик от читательницы и писательницы Татьяны Крючковой, который наконец-то объяснил мне: что же за зверь такой повстречался геологам в Саянской тайге. От всей души благодарю Татьяну за такую подсказку.

Итак, зверек, о котором идет речь в рассказе, алтайская пищуха. Вот что мне о ней удалось найти в иллюстрированной энциклопедии животных **АЛТАЙСКАЯ ПИЩУХА**

(*Ochotona alpina*). Обитает в каменистых россыпях в горах Алтая, в Саянах и Забайкалье, в Восточном Казахстане; встречается в Монголии (на Хангае). Длина тела – 20—25 см. Самка имеет обычно два помета в год (реже 1 или 3), в каждом помете 1—8 детенышей. Молодые самки вступают в размножение лишь на втором году жизни. Плотность популяции составляет 2—30 особей на га. Семья пищух обычно устраивает на каменистой россыпи от 2 до 7 кладовых на расстоянии 1—3 м друг от друга, обычно в одних и тех же местах из года в год. Излюбленным кормом является хаменерион (*Chamaenerion latifolium*), составляющий от 44 до 75% запасов, злаки и осоки (среди них трудновыделить предпочтение каких-либо видов), предпочтительно – крупные и сочные, горец альпийский (*Polygonum alpinum*), родиола розовая, которая в сыром виде часто составляет основу запаса, а из кустарников предпочтение отдается черной смородине. Пищухи очень любят запасать чемерицу, хотя ее не едят.

Заяц-драчун

Ехал я как-то на попутной машине с речки Панимбы мимо Старой Еруды с её дражными полигонами да золотиносными отвалами на север, в Северо-Енисейск. Горно-таежная река Еруда протекает по северной части Енисейского кряжа, а начало своё берет с восточного склона Енашимского Полкана, высокую гордую голову которого хорошо видно с любого самолёта, когда летишь из Красноярска в Северо-Енисейск.

Полкан, а по-другому Китоврас – получеловек-полуконь славянской мифологии, аналог древнегреческого кентавра – древний хранитель славянских поселений. Селились полканы рядом с людьми, дружили с ними, по-соседски помогали, даже воевали с врагами плечом к плечу. Мифы эти были настолько стойки, что даже в XIV веке на монетах, чеканившихся в Серпуховско-Боровском княжестве изображался Полкан- кентавр...

Так что пусть не смущает никого то, что самая крупная гора в Северо-Енисейском районе носит такое «странное» имя. Людей она хранит и защищает.

«МАЗ», на котором я ехал, в те времена был одним из самых распространенных грузовых автомобилей в стране. О нем ещё у Высоцкого хорошая песня есть «МАЗ – 500». Её все шофера в Сибири одно время знали. Не гоночная машина, конечно, далеко до того, неходкая, зато надежная. А если и ненадежная, то всё равно – выбора особого-то не было.

Вот сидим мы с водителем в кабине, болтаем о чем-то помаленьку, смеркается. Дело было в начале осени. Деревья в тех местах рано начинают рыжеть, но все листочки, все лиственничные хвоинки ещё на месте, ещё не опали. И, слава Богу, сухо, дождя нет. Красивая тайга стоит, краски сочные, яркие: от тёмно-бордового до ярко-рыжего и золотистого. Всех оттенков. В общем, есть на что засмотреться.

Водитель включил фары, но в принципе дорогу ещё было видно – сумерки. И вот во время нашей неспешной дорожной беседы, как говорится, краем глаза я заметил, что между колёс что-то мелькнуло. Что именно – я, конечно, не разглядел. И, слегка растерявшись, мы с шофером остановили машину не сразу, а удалившись метров на 150 от неопознанного объекта.

Я отправился пешком по дороге в обратную сторону и, действительно, вскоре начал различать посредине неё некий предмет, вблизи оказавшийся зайцем. Зверёк стоял на задних ногах и был неподвижен, как искусное чучело. Судя по нему можно было сказать, что зайцы этим летом явно не голодали. Упитанный зайчик, очень приличный. Я поравнялся с ним и, поразмышляв мгновение, решил взять его за уши, закинуть, как вещмешок, через плечо и таким вот образом доставить в кабину МАЗа.

Увы, с этого момента ситуация вышла из-под контроля. Поднятая за уши тушка зайца внезапно ожила и заорала мне в лицо совершенно диким образом. Крик был ужасно громким и протяжным. Мало того: заяц резко и очень больно долбанул меня своими крепкими задними ногами в грудь. Удар и крик были такой силы, что заставили меня отпустить заячьи уши. Упавшее на землю животное огромными прыжками двинулось по середине дороги прямо на наш злосчастный МАЗ.

Сбитый с толку водитель, остававшийся возле машины, забеспокоился, не зная что предпринять. Заяц приближался. В смятении я почему-то крикнул ему: «Берегись!». Шофёр засуетился ещё больше. Озверевший заяц тем временем доскакал до задних колёс большегрузной машины и на мгновение замер на месте. Затем он сделал полный разворот и... ринулся теперь уже в мою сторону!

Деваться мне было некуда. Я продолжал стоять, мужественно поджидая стремительно приближающегося оппонента. Заяц, словно торнадо над прериями или самум в пустыне, про-

мчался мимо меня по прямому, как стрела, участку лесной дороги и, так же неуклонно, никуда не сворачивая, бросился в кусты – там, где дорога делала поворот.

Позднее, обсуждая ситуацию, мы с водителем пришли к выводу, что косой просто впал в состояние столбняка в тот момент, когда над ним по дороге пронёсся наш МАЗ. А болевые ощущения, от поднятия за уши, привели его в чувство. Вот и вся история.

С той поры много воды утекло в Панимбе и Еруде. Много в жизни изменилось. Исчезло с лица земли целое государство – Советский Союз. Дети мои выросли. Но мне до сих пор не встретилось никого, кому удавалось бы вот так же, в живой дикой природе, держать за уши живого здорового неручного недрессированного таёжного зайца.

Плыло сено по реке...

Вечерело. На дебаркадере возле поселка Бор, что находится в месте слияния Подкаменной Тунгуски и Енисея, собралась толпа пассажиров и встречающих. Собрался народ в ожидании теплохода, который должен был уже вот-вот появиться на горизонте. Были здесь и туристы, были и местные. Куда люди спешат-торопятся? Какая надобность их в путь-дорогу направила? У каждого свои причины...

Вот она, Подкаменная Тунгуска, рядом, почти напротив – за недалёким лесным увалом! Широка в устье, раздольна, как песня. Не то, что в среднем течении, у поселков Усть-Камо, Куюмба, Ошарово, где доводилось бывать мне прежде.

Туда сейчас, в конце июля, ни одна баржа не поднимется: спала вода весенняя, следа не осталось от бывшего половодья. Весь завоз в те места проходит в короткий период конца весны, в навигацию – по высокой воде: продукты, товары всякие, запчасти. Два-три дня навигации – и вся команда, доставляющая баржами груз, становится смуглолицей, прожаренной солнцем не хуже, чем на черноморских курортах в разгар сезона. Возвращаются домой вроде как не после тяжелой круглосуточной вахты, а откуда-нибудь с Сейшельских островов. Только уставшие почему-то.

Народ тем временем уже волноваться начал. Теплоход явно запаздывал. Впрочем, волновались в основном туристы, которых легко было отличить от местного населения не только по поведению, но и по одежде. У местных, поселковых она бедноватей, скромней, но такая, в которой люди здесь обычно здесь и ходят. А у туристов – пафосная в двух диаметрально противоположных направлениях. У одних настолько «походная», маскхалатно-боевая, унисексно-луноходная, как будто они не по родной земле собрались путешествовать, а по стране динозавров и людоедов. Другие, наоборот, одеты настолько легкомысленно, чуть ли не в вечерних платьях, будто едут не в простую сибирскую глубинку со всеми вытекающими последствиями, а на концерт Пласидо Доминго или Монтсеррат Кабалье в «Ла Скала».

В конце концов, и то, и другое – красноречивей любых пояснений указывает: кто тут городские и каковы их представления о жизни за чертой города на основании телевизионно-новостной «лапши» и личных выездов «на шашлыки» на ближайшую дачу.

Однако, именно один из них – субъект в темных очках, в панаме цвета хаки и с наушниками в ушах – скорее от нечего делать первым заметил странное на его взгляд явление на реке. Через минуту туристы сгрудились у перил дебаркадера, живо обсуждая непонятное явление. Действительно, почти по середине Енисея мимо дебаркадера проплывали сами по себе один за другим два огромных стога сена. Удивляло наблюдающих не только то, что стога не разъезжаются, не размокают в воде, но и то, что плывут-то они... против течения. Хоть и медленно – но всё-таки против, а не по! А течение-то здесь у Енисея-батюшки – дай Боже!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.